

Григорьева Надежда Олеговна

канд. филол. наук, доцент

Пронина Екатерина Сергеевна

студентка

Южный федеральный университет – Институт филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

**Метафоры в произведениях В. Токаревой:
коммуникативно-прагматический аспект**

***Аннотация:** в статье рассматривается функционирование метафор в текстах В. Токаревой, выявлены регулярные метафоры с учетом авторской и персонажных зон текста.*

***Ключевые слова:** художественный текст, метафора, идиостиль.*

Выявление набора ключевых метафор в творчестве писателя и их изучение чрезвычайно важны для описания его художественной системы и адекватного понимания текстов. Необходима интеграция основных подходов к изучению метафоры с учетом специфики их репрезентации в текстовом пространстве, что позволяет выявить специфику функционирования метафор и их текстообразующего потенциала. В текстах рассказов В. Токаревой метафоры выполняют, как правило, комплекс функций, при этом основными являются экспрессивная и эстетическая. Это обусловлено преобладанием метафор с живой образностью, а также их ролью в создании эффекта языковой игры. В текстах представлены практически все разновидности метафор по механизму метафоризации: олицетворение, персонификация, опредмечивание. Можно отметить, однако, что в разных зонах текста (авторской и персонажных) количество метафор примерно равное, но качественно они различаются: в авторской зоне чаще представлены развернутые метафоры, Интересно, что в авторской зоне частотно и регулярно репрезентируются метафоры на основе опредмечивания: *Она хорошела на глазах и из радиатора парового топления*

превращалась в музыкальный инструмент, растянутый аккордеон, из которого плескалась вечная музыка души (Инфузория-туфелька). Ср.: Мы глядели друг на друга одними и теми же глазами и чувствовали одно и то же. И были как дерево: бабушка – корни, папа – ствол, а я – ветки, которые тянутся к солнцу (Самый счастливый день). В персонажных зонах представлены практически одинаково олицетворение, персонификация и опредмечивание. Выбор метафор в персонажных зонах в определенной степени обусловлен гендерным аспектом, так у персонажей-мужчин чаще представлены метафоры, в основе которых ассоциации с механизмом: *Павлуша решил для себя больше не жениться, потому что обнаружил некую закономерность: сначала все идет по возрастающей, как самолет, набирающий высоту. Дальше, набрав высоту, этот самолет любви какое-то время идет по прямой на автопилоте. Потом что-то портится, самолет начинает терять высоту, входит в штопор и – бах!!! Взрыв. Огонь. Обгорелые души* (Паша и Павлуша). В речи персонажей-женщин, а также в авторской зоне текста регулярно используются метафоры, в основе которых ассоциации с едой, шире – с кулинарией: *... у человечества есть несколько жизненных матриц: неразделённая любовь. Разделённая любовь, треугольник. Эти три варианта накладываются на разных людей, и получается бурлящий суп из страстей человеческих* (Почём килограмм славы). Репрезентация метафор по логической и эмоциональной сферам в персонажных зонах также зависит от гендерной принадлежности героя, однако тематически обусловленным оказывается преобладание метафор в эмоциональной сфере. Анализ текстов позволяет предположить, что доминирующей сферой-мишенью для В. Токаревой является оппозиция любовь – ненависть. Для текстов В. Токаревой характерно наличие гибридных тропов, сочетающих несколько изобразительно-выразительных средств, например метафорических эпитетов. Интересно, что метафора может выступать в качестве основы таких тропов, а также быть вторичной, наслаиваться на другой, узуальный троп. Так, например, в тексте *Мужья* делятся на две категории – *никчемушники и кошельки. Никчемушники садятся*

на шею и едут. И ты везёшь за двоих. Это тяжело. А кошельки ведут себя как хотят, хамят и бросают в конце концов. Так что ещё не известно – что лучше: быть гружёным ослом или разрешать, чтобы по тебе ходили копытами, ломали позвоночник... (Одна из многих). В данном случае лексема «кошельки» представляет собой именно гибридный троп, в основе которого метонимия, а затем уже вторичная метафоризация. При этом представлена персонификация, метафора простая по структуре является сложной по семантике, многофокусной, сходство устанавливается по нескольким семантическим признакам, часть из которых позволяет говорить об узуальности этого тропа, а часть имеет индивидуально-авторский характер. Интересно, что характеризующая функция, которую выполняет троп, раскрывается в последующем контексте и позволяет говорить о наличии окказионального компонента в семантике. Кроме того, для произведений В. Токаревой характерна концентрация метафор в тексте, своеобразное их нанизывание, при этом метафоры могут относиться как к одному субъекту или объекту, так и к разным: *Я нахожусь на середине жизни, в самом трагическом возрасте, когда страсти еще не отшумели, но усталость уже грянула в сердце* (В.Токарева, Японский зонтик). Для произведений В. Токаревой характерна также высокая значимость текстообразующих и интертекстуальных свойств метафор. Так, именно метафоры часто выносятся автором в сильную текстовую позицию заголовка. Подтверждением частотности такого использования метафор может служить даже оглавление собрания сочинений В. Токаревой (см., например: Инфузория-туфелька, Старая собака, Фараон, Лавина, Розовые розы, Закон сохранения, Лиловый костюм, Римские каникулы, Японский зонтик и др.). Особенность таких метафор в том, что часть из них изначально, при прочтении только заголовка воспринимаются читателем именно как метафоры, а для точного восприятия других необходима актуализация либо фоновых знаний, либо прогнозируемых ассоциаций, возможно также задействование одновременно этих факторов. Кроме того прогнозируемые ассоциации могут строиться и на интертекстуальном потенциале метафор. Например, заголовок

«Розовые розы» вызывает у читателя ассоциации с текстом популярной в определенный период песни, точнее ее припевом. Именно эта ассоциация позволяет реализоваться текстовой категории проспекции – читатель уже по заголовку предполагает некие сюжетные ходы, а также определяет тематику произведения (рассказ о любви). В этом случае можно говорить также об актуализации культурных стереотипов и символов (роза – символ любви). Ожидания читателя в целом оправдываются, ведь, по мнению критиков, «Розовые розы» – нежная, лиричная и очень честная история Токаревой о настоящей любви. Такие метафоры выполняют и текстообразующую функцию. Интересно, что в тексте одна и та же единица может использоваться как прямая номинация и как метафорическая. В этом случае выбор ее и в качестве заголовка создает особый контекст, позволяющий одновременно воспринимать оба значения. Примером заголовков второго типа может служить название рассказа «Старая собака». Прагматический потенциал метафор в текстах рассказов В. Токаревой усиливается не только за счет их концентрации, но и за счет семантической сложности, а также за счет регулярной репрезентации в функции близкой к символической. Интересно, что в такой функции может выступать наименование конкретных предметов, которое затем метафоризируется, а на определенном этапе превращается в знак, индивидуализированный символ, который приобретает обобщенный характер и в контексте воспринимается и читателем именно как знак-символ (например, успешности или неуспешности в жизни). Здесь можно отметить как следование традициям русской литературы (ср. «Крыжовник» А. Чехова), так и особенность идиостиля В. Токаревой. В перспективе представляется интересным подробное рассмотрение метафор в текстах В. Токаревой с учетом гендерного аспекта, а также выявление сфер-источников и сфер-мишеней метафоризации в ее произведениях.